Андрей Дыфо

Дар Прозерпины

Андрей Дыфо
Дар Прозерпины

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055876
Дар Прозерпины. Урбанистический инфернальный роман: Грифон; Москва; 2013
ISBN 978-5-98862-133-1

Аннотация

В книгу молодого российского писателя Андрея Дыфо включены два произведения: рассказ «Я помню» и роман «Дар Прозерпины».

Его произведения – «взрывной» сплав фэнтези и фантастики, мистики и реализма. Андрей Дыфо – мистический писатель. Но его мистика – знаковая.

Урбанистический инфернальный роман действительно инфернален…

Но подумаем – не таков ли современный город по своей сути? Его люди и здания, улицы и площади? Как оценить многочисленные поступки людей, совершаемые ежеминутно, ежесекундно? Какие причудливые варианты развития событий готовит Провидение? Что ждет город в самом конце?

Ничего. Пустота… Странно и страшно… Но природа, как известно, не терпит пустоты. И – не только природа.

Какую тайну может хранить письмо без адреса или человек, пришедший из ниоткуда и отправляющийся в никуда, называющий себя Иван Иванович Иванов? Какова его роль в этом городе?

Для ценителей хорошей литературы.

Содержание

Я помню 6
Дар Прозерпины 14
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Андрей Дыфо
Дар Прозерпины
Сборник

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Дыфо А., 2013

Я помню

Моей супруге Татьяне и дочери Елене – все самое лучшее

Я помню… Я помню, что ты родился солнечным майским днем. Вовсю щебетали птицы, заливаясь неистовыми руладами, но тебе было все равно, ты еще толком не понимал, что с тобой происходит. Да и я деталей не запомнила. Лучше скажи, помнишь ли ты лето? Да-да, наше лето, когда мы в жаркий день собирались на веранде и пили чай, поглощая при этом такое невероятное количество варенья, что бабушка называла нас в шутку троглодитами. Вокруг банок со сладким лакомством – его даже не успевали перекладывать в вазочку – кружились осы. Поначалу они казались нам безобидными, но потом одна из них больно укусила твою младшую сестру Клавдию. Ей тогда исполнилось всего три годика. У нее распух палец, и даже, помню, образовался небольшой нарыв. Тогда мы объявили осам войну. Мы закрывали их крышкой в банке с недоеденным вареньем, их крылья начинали слипаться, и они захлебывались в сладкой смерти. Мы отлавливали их ложками и выбрасывали. Потом, когда нарыв у Клавдии прошел и все о нем забыли, это стало обычным развлечением. И когда мама спрашивала детей, почему они так не любят ос, Клавдия отвечала: «А почему они едят наше варе-

нье?»

Лето… Зной днем и спасительная прохлада ночью. Помнишь, как в полнолуние мы любили выбираться из нагретых маленькими тельцами постелей, быстро собирались и с тревогой в сердце выбирались через окна спален на улицу, сбивались в кучку на пыльной дороге, боясь показать друг другу свой беспричинный страх – страх ночи. Простой, детский, безотчетный. Однако, несмотря ни на что, мы осторожно прокрадывались к древнему амфитеатру, который сохранился в нашем городе еще со времен Римской империи и напоминал Колизей. Лунный свет тихо озарял циклопическое сооружение, оно казалось творением нерукотворным, возникшим само собой с начала времен. Любой шорох тогда становился громким, словно крик. Удар колокола на часах – словно гром – возвещал полночь.

Твой брат Радич, который был взрослее на два года, незадолго до этого заболел воспалением легких и умер. Поэтому ты, на правах старшего, рассказывал всякие страшилки. В одной из них ты упоминал гладиаторов, погибших на арене амфитеатра, души которых оживают в лунном свете. Гладиаторы бесшумно надевали доспехи, вкладывали в ножны свои короткие мечи – гладии – и плотно сомкнутым строем шли навстречу друг другу, чтобы сразиться на арене. Их души еженощно воскресали, с тем чтобы в тысячный раз принять ту смерть, которая настигла их многие сотни лет назад. Все ребята слушали тебя с открытыми ртами, а младшая сестра

Клавдия даже иногда плакала. Ты утешал ее, приговаривая, что все это выдумки, что все это понарошку, но она не верила и упрямо твердила: «Если все понарошку, то откуда ты это взял?»

Мы возвращались домой, стараясь так же тихо, как и уходили, пробраться к себе в комнату. Иногда нам это удавалось, иногда мы получали нагоняй от родителей, которые, впрочем, смотрели на детские шалости сквозь пальцы, поскольку в нашем городке даже ночью было безопасно, и самое большое, что могло произойти, – малышка Клавдия, долго проплакав, наутро вставала с красными глазами.

Ты рос слабым мальчиком, часто болел. Поэтому всем казалось странным твое увлечение волейболом. Ты был, пожалуй, талантлив, и почти все, за что брался, получалось у тебя хорошо, если не блестяще. Так и с волейболом. Тебя даже взяли в клуб. Ты стал принимать участие в юношеских соревнованиях с командами из других городов. Помню, предстояла важная игра с командой из Пореча. Перед ней ты очень волновался, поскольку был самым невысоким игроком из обеих команд. Справедливо или нет, но ты просидел на скамейке запасных почти весь матч.

Ты очень переживал, болея за своих. Игра выдалась крайне сложной. Четыре тайма было сыграно с общим счетом 2: 2, шел пятый. Ребята из Пореча побеждали с небольшим перевесом, однако подача перешла к вашей команде. И тут тренер решил выставить на замену нового игрока, выбрав тебя.

Когда ты выходил на поле, у тебя тряслись ноги, но ты делал все, чтобы не показать свое волнение. Тебя сразу выставили на подачу, сердце у тебя колотилось, как динамо-машина. Ты высоко подбросил мяч и ударил по нему, но, так как руки дрожали, удар вышел слабым, как шлепок по попке младенца. Мяч даже не перелетел через сетку. Все взоры зрителей и игроков обеих команд обратились к тебе, ты готов был провалиться. Но такое бывает только в сказках, и ты не провалился, а вошел в круг, несмотря на неодобрительное шушуканье товарищей по команде. Тренер сразу хотел тебя заменить, но почему-то этого не сделал. А игра продолжалась, и, напрягая все силы, вы добились ничьей.

Однако, согласно непреложному закону игры, нужен победитель и побежденный. Борьба за решающее очко продолжалась довольно долго, подача снова перешла к тебе, и тренер снова не стал тебя менять. За время игры ты уже хорошо почувствовал мяч и был больше уверен в себе, чем в прошлый раз, хотя вся твоя команда старалась на тебя не смотреть и уже приготовилась к тому, что у тебя опять ничего не получится и придется снова отыгрываться. Ты высоко подбросил мяч и изо всех сил, но вскользь хлопнул по нему. Нельзя сказать, что удар сорвался, нет, он получился стремительным, крученым и острым, как лезвие бритвы. Мяч прочертил площадку, перелетел, к всеобщему изумлению, через сетку и, подобно яблоку Ньютона, обрушился вниз за ее пределами, будто наконец подчинился законам земного притя-

жения.

Спортсмены по ту сторону сетки даже не пошевелились, следя, как загипнотизированные, за полетом твоего мяча или, возможно, думая, что он вот уж точно не перелетит через сетку.

Счет стал на одно очко в вашу пользу, но для победы требовался отрыв в два очка.

Ты снова подавал, и снова взгляды твоих товарищей по команде устремились на тебя. Публика замерла в ожидании и сверлила тебя взглядами – или, по крайней мере, так тебе казалось, – но ты никого не замечал. Для тебя в этот миг существовал только мяч, площадка и солнце, которое било тебе в глаза, когда подброшенный мяч опускался на руку, рассекавшую воздух, чтобы в определенной точке с ним соединиться. В этот удар ты вложил всю свою силу, всю досаду, весь страх поражения. Мяч взлетел высоко над полем, раздался дружный выдох, все были уверены, что на этот раз он перелетит через поле, взвившись к солнцу, но немного до него не долетев – всего каких-нибудь сто пятьдесят миллионов километров, – он, как бомба, неожиданно прервав свой полет, обрушился на поречцев, которые тоже думали, что будет перелет.

Решающее очко, принесенное команде, вызвало гром аплодисментов в твой адрес. Или тебе это опять показалось? С тех пор ты почему-то разлюбил волейбол, хотя команда благодарила тебя и считала, что ты многое сделал для победы.

И спортом вообще больше не занимался.

После школы ты толком не успел выбрать себе будущую профессию. Конечно, как и все мы, ты часто дежурил в лавке отца, торгующей всем помаленьку – от овощей с нашего огородика до деревянных безделушек, на которые был горазд отец.

Началась война.

Не знаю почему, но, когда в наш городок заходила колонна немцев, откуда-то взялась бумага. Ворохи бумаги. Они летели из подъезда, словно лепестки роз к ногам триумфаторов. Но это была бумага, всего лишь бумага и даже не листовки, агитирующие за Третий рейх. Грохот солдатских сапог гулко разносился по окрестностям в абсолютной тишине.

Ты помнишь, почему тогда твоя младшая сестра Клавдия попала в гестапо? Лично я – не помню. Но тебе тогда пришлось записаться в армию, чтобы ее отпустили.

Где ты воевал? Дома не получали от тебя никаких весточек…

Замерзал ли ты в окопах под Ленинградом? Горел ли в южнорусских степях летом, терпел ли изнуряющий зной в наступлении на Сталинград, а потом столь же жестокий холод, когда отступал? А может, тебя забросили на Кавказ, и ты шел в составе небольшой экспедиционной группы, постоянно опасаясь попасть в засаду? Может, ты даже попал в нее. Может, тебя взяли в плен, но ты бежал из него, а возможно, после атаки ты тащил на себе раненого, истекающего кровью

товарища. Тащил неизвестно куда, ибо давно сбился с курса, так как с географией у тебя со школы было неважно. Твой друг или товарищ умер у тебя на руках, и дальше ты шел в одиночестве, пока случайно не наткнулся на свою часть и не рассказал о гибели группы.

Впрочем, с чего я взяла, что ты обязательно был пехотинцем? Может, ты был артиллеристом или танкистом и, как все остальные, ругался грязными словами, когда зимним утром приходилось разогревать баки с застывшим топливом, разжигая с риском для жизни под ними костер. На мир ты глядел сквозь специальную щель, не видя, как падают солдаты, сраженные снарядами, в том числе и твоими, как гусеницы танка перемалывают все, что под них попадает… Не исключено, что ты из слабого мальчика превратился в завоевателя, гордился своей черной формой – этого я знать не могу.

Я помню, как ты попал в госпиталь. Острый запах карболки, перекиси водорода, свежих бинтов и разлагающихся человеческих органов. Там ты рассказал несколько историй, свидетелем которых ты невольно оказался. Когда-нибудь и я о них поведаю. Не сейчас.

В госпитале сначала думали, что рана неопасная и ты быстро пойдешь на поправку, но все оказалось совсем не так. Ты вроде начал поправляться, но потом отчего-то тихо умер. Вся семья горевала о тебе, особенно твоя младшая сестра Клавдия. Она даже написала стихи в память о тебе.

Твой младший брат Мирослав, вернувшись из немецко-

го плена, стал учителем истории. Он написал хороший учебник.

Твоя средняя сестра Дженана работала акушеркой в местной больнице, и ей благодарны многие матери.

Твоя любимая сестра Клавдия стала профессиональным краеведом и выпустила занимательное исследование, посвященное нашему амфитеатру и гладиаторским боям. Она издала еще много других книжек, но эта была наша самая любимая.

Твой третий, самый младший брат, Горан, родившийся незадолго до того, как ты ушел на войну, стал ученым, но его исследования были не особенно востребованы, и он тоже начал преподавать. По вечерам он приходил, ужинал со всеми, потом шел к себе наверх, на чердак, туда, где вы, мальчишки, когда-то любили играть в солдатики, и выводил формулы, делал чертежи и исписывал тонны бумаги, которую твоя мама потом аккуратно складывала в стопочки. В его исследованиях она ничего не смыслила, и, когда ей случалось поместить в стопку не тот листок, он жутко ругался, так что крики были слышны и на веранде, где все мы любили пить чай. Только теперь с нами не было тебя, и осы уже не слетались на варенье.

Меня же – ты понимаешь – не стало вместе с тобой.

8 октября 2005 г., Москва

Дар Прозерпины
(*урбанистический инфернальный роман*)

Денису Бунееву – другу и хорошему человеку

Ранним весенним утром Виктор Подольский шел на работу. Холодок приятно будоражил нутро. Виктору подумалось, что западный человек зашел бы утречком перед работой в кофейню, оприходовал бы чашечку горячего капучино и весь день пребывал на подъеме. Такая мысль, посетив единожды, уже не покидала Виктора. Тем более рядом случи-

лось кафе. Виктор задумчиво посмотрел на дверь с огромным амбарным замком. Табличка соответствующего содержания, для тех, кто не понял намека, взглянув на замок, перекосившись, небрежно болталась на двери с внутренней стороны. Однако время работы кафе, как следовало из надписи большими желтыми буквами, с 8.00 до 21.00, ежедневно. Часы показывали 8.14. Возможно, часы Виктора и спешили немного, но не на четырнадцать же минут, в самом деле!

Виктор замедлил шаг и задумчиво поглядел на заведение. Быть или не быть? Пить кофе или не пить? Пить. Определенно пить. Двух мнений быть не может. Хотя, конечно, кофе – удовольствие по нынешним временам не из дешевых. Пятьдесят рублей за чашечку при зарплате служащего в три с половиной тысячи! Это ж надо! Тем не менее, очень уж хотелось почувствовать на губах и во рту вкус приятного терпкого напитка. Кофе со сливками. Мечта. Нет, страсть! Так пить или не пить? А-а! Виктор махнул рукой в прямом и переносном смысле – прощай заначка – и сделал шаг в направлении кафе, но тут же остановился как вкопанный.

Он вспомнил, как посещал подобное заведение пару месяцев назад. Причем, если ему не изменяет память, именно это кафе. Весна начиналась как-то вяло, было холодно, кругом лежали мартовские сугробы, опаленные чернотой, и, так же как сегодня, Виктору до чертиков захотелось согреться и поднять себе настроение перед работой. Тем более (он

это хорошо помнил) была пятница – день после зарплаты. Ну разве не заслужил он законного права по случаю получения честно заработанных грошей спустить их хоть немного на свои удовольствия? Без сомнений, заслужил. В кругу своих товарищей он не слыл транжирой, напротив, был очень экономным человеком. Жизнь научила считать копеечку. Но если себе во всем отказывать, к чему такая жизнь?

Так вот, в тот раз, когда он заглянул в эту кофейню, вечером на толкучем рынке он лишился денег. Украли. Нет, не всю зарплату, только треть: то, что тогда было в кошельке, но как же обидно! С кофе это, конечно, никак связано не было. Совпадение в чистом виде. Или не совпадение? И за отличное начало дня пришлось расплачиваться вечером? «Однако не стоит быть суеверным», – решил Виктор и твердой походкой направился в кофейню. Подойдя к двери, он настойчиво постучал. Подождал. Еще постучал. Только после третьего стука ему открыла немолодая женщина в переднике, вынырнув откуда-то с черного хода. Безмолвно впустила его, устало окинув невыразительным взглядом. Отсутствие каких-либо эмоций у людей Виктора всегда настораживало. В самом деле, она ведь могла обрадоваться первому посетителю, в конце концов, он не «забесплатно» зашел, а купить чашечку кофе. С другой стороны, если кофейня вовремя не открылась, пришлось даже постучать, значит, официантка была чем-то занята или вообще опоздала на работу. В таком случае его нетерпеливый стук должен мог бы вызвать негативные эмо-

ции. А тут – ничего. Пустота. Странно!

Подольский окинул помещение взглядом: типичное для своего времени. Кругом стояли столики с опрокинутыми на них сиденьем вниз стульями, чтобы уборщице легче было протирать полы.

Женщина прошла вперед Виктора и сняла пару стульев со стола перед барной стойкой, как бы приглашая его именно туда. Виктор не видел причин отказываться и устроился на предложенных местах. Правда, перед его взором маячили два стула ножками вверх, но это не страшно. Что в этом такого?

– Молодой человек, вам чего?

– У вас кофе со сливками есть?

– Конечно.

– Чашечку, пожалуйста.

– Большую или маленькую?

Виктор задумался. Конечно, по совести, ему хотелось большую. Но что в ней толку? Он же пришел лишь согреться и попробовать кофе, а не распивать целый день или полдня. Тем более в конторе есть электрический чайник – пей себе чай хоть целый день почти бесплатно (сотрудники скидывались после зарплаты на чай и сахар, и на всех выходило совсем немного). Так что, как следует поразмыслив, Виктор остановился на маленькой чашке.

Официантка невозмутимо ждала, пока он определится, в любом случае посетителей пока не было, и он никого не за-

державал. Она не стала записывать заказ в блокнотик, лишь спросила, сколько сахару он будет.

– Два кусочка, пожалуйста.

Приняв заказ, официантка, она же бармен, удалилась за стойку готовить кофе. Через минуту она позвала Виктора:

– Ваш кофе готов. Платить сразу будете?

– Да, сразу.

– Пятьдесят пять рублей.

– Как так? – невольно опешил Виктор. – Было же пятьдесят?

– Да когда это было, молодой человек, уже месяц почти как пятьдесят пять, на ценник посмотрите.

Виктор округлившимися от неожиданности глазами посмотрел на галерею ценников, правда, кофе со сливками там не нашел. Спорить не стал: разница-то небольшая. Он отсчитал официантке деньги – пяти рублей не было, пришлось дать шестьдесят.

– Сдачи пока нет, – сообщила она, – подождите, может, у следующего клиента будет мелочь, если у вас нет.

Виктор порылся в карманах, пяти рублей не нашел. Только три. Вот досада! Пришлось, несолоно хлебавши, отойти от стойки и, попивая кофе, терпеливо ждать следующего клиента. Ладно, бывает. Зато урок на будущее – всегда носить с собой мелочь. Как минимум десятку, ну, или пятерку. А то ведь бывает же! «Впрочем, шут с ними, с деньгами. Не в них счастье», – утешал себя Виктор, удобно устроившись

на стуле и озираясь по сторонам.

Ничем не примечательная кофейня, зато чисто, уютно. По стенам развешаны старые фотографии каких-то улиц, площадей, церквей. Виктору даже показалось, что он узнал одну из них.

Под стеклом барной стойки красовались пирожные, булочки и торты. В неимоверных количествах были представлены круассаны, тарталетки, безе и прочие сладости, которыми славились пекарни города. Изучив от скуки весь ассортимент, Виктор принялся смотреть на улицу сквозь аккуратные ряды ножек стульев. Сначала ничего не происходило. Город лениво просыпался. Потом с улицы стали чуть слышно доноситься завывания старого патефона, натужно выводившего какую-то древнюю звукозапись, возможно, Шаляпина. Интересно, кому пришло в голову в столь ранний час слушать музыку?

Какой-то человек в кепке и длинном пальто – будто и не конец мая вовсе – вышел из подъезда и, не оглядываясь по сторонам, засеменил по тротуару, отгороженному от улицы рядом кустов и невысоких деревьев. Детишки гурьбой пронеслись в школу с ранцами за плечами. Так и должно быть. Что может случиться нового в нашем городе? Скоро совсем станет тепло. Да к тому же конец месяца. Соответственно, скоро – начало следующего. А это значит, что через несколько дней могут и аванс подкинуть. Хотелось бы, конечно, побыстрее. А то все траты, да траты. Ох уж эти непредвиден-

ные расходы!

Впрочем, сейчас Виктор старался думать об этом поменьше, пытаясь мыслями воспарить к чему-нибудь прекрасному, возвышенному. Например… например… к чему бы воспарить? Стихи сочинять он не умел, впрочем, как и прозу. Спортом никаким не увлекался. В партиях, обществах и клубах не состоял. И решил он подумать о том, как его непосредственный начальник выйдет на пенсию… Подойдет к Виктору директор – большой-большой человек – и скажет: «Слушай, Виктор, тут такие пироги, руководство твое уходит. Наверное, знаешь куда… Не знаешь? На пенсию. На пенсию он собирается, пришло время. По такому случаю хочу сказать, принимай-ка ты дела, друг мой. Ты у нас человек опытный, более десяти лет работаешь, ответственный, никогда на работу не опаздываешь. В общем, давай дерзай». Но нет, увы, начальнику недавно лишь за полтинник перевалило, он еще в строю и уходить никуда, конечно, не собирается. Ладно, помечтать-то ведь можно… Виктор снова посмотрел на улицу. Ого! Знакомое лицо. Никак наш почтальон Фрумкин. Интересно, куда он так спешит?

Любопытство вдруг настолько одолело Виктора, что он, оставив недопитым кофе где-то на глоток и совершенно забыв о том, что должен дождаться следующего посетителя и получить причитающуюся сдачу, схватил портфель и выбежал на улицу.

* * *

Утро у Льва Фрумкина выдалось ничем не примечательным. Рабочий день почтальона начинался гораздо раньше, чем у других, но, правда, и заканчивался в 17 часов. Проснувшись по будильнику затемно, он встал с кровати, попав, как обычно, ногами сразу в тапки. Потянулся. Зевнул. Мелькнула мысль, не взять ли гантели? Да ну их, эти гантели. Успеется. Лучше позавтракать как следует да побриться. В туалете по-человечески с газеткой посидеть. Фрумкин так и сделал. Включил радио. Нагрел чайник, сварганил пару бутербродов с сыром, поджарил яичницу из двух яиц. Не подгорела – хорошо! Из бубнежки диктора он разобрал лишь то, что президент позитивно оценивает перспективы российской экономики и считает, что ни о какой финансовой нестабильности речи быть не может. Значит, все будет идти своим чередом.

На этой радостной ноте почтальон побрился горячей водой, которую еще не отключили на профилактику. Надо наслаждаться, пока дают, потом месяц придется разогревать в котелке или даже – брр – умываться и бриться холодной водой, всё потому, что не успеваешь к началу рабочего дня, поскольку утром лишние десять минут позволяешь себе понежиться в постели.

Сегодня все прошло гладко, как Фрумкин того и хотел.

Сытый и вполне довольный жизнью, он закрыл дверной замок на два оборота, спустился по лестнице на первый этаж, где, по привычке, оценил быстрым взглядом состояние всех почтовых ящиков. Фрумкин любил, чтобы ничего из них не торчало и сломанные дверцы, даже если у хозяев соответствующих квартир не было желания их заменить, не выглядели как подбитая техника на поле сражения. Рекламные листки трех-четырех компаний, взывающие к установке окон ПВХ, новой сантехники и фильтров, он аккуратно подобрал с пола и сложил стопкой на верхний ящик. Потом еще немного в задумчивости постоял, как бы не желая расставаться с домом, и не торопясь вышел из подъезда.

Утренний холодок почему-то пробрал до костей. Или погода тут ни при чем? Может, все дело в каком-то неприятном чувстве, ни с того ни с сего нахлынувшем на Фрумкина? Ерунда! Почтальон даже с досады махнул рукой и бодро покатил пока еще пустую сумку-тележку по изрезанному трещинами старому асфальту в направлении Главпочтамта.

Вдали яркая полоса света прорезала горизонт. Из груди Фрумкина непроизвольно вырвался вздох. Новый день. Новая жизнь. Что он готовит, этот новый день? Кто знает? Кто этот кто, что в положенное время отправит солнце за горизонт, проследит за тем, чтобы на градусниках была определенная температура, заставит людей совершать те или иные поступки? Фрумкин вздохнул. Сегодня где-то кто-то родится. Кто-то, наоборот, умрет от старости или болезни, а мо-

жет, и под колесами машины. Миллионы людей по всей стране и миллиарды по всему миру пойдут на работу. Миллионы и миллиарды вернутся. Кто всем этим движет? Кто заставляет людей подчиняться избранному ими ритму? Для миллионов и миллиардов людей этот день станет лишь одним, ничем не примечательным майским днем, а для других, конечно, меньшинства, возможно, обернется некой неожиданностью.

Войдя на почту и кивнув вахтеру, Фрумкин расписался за ключ в книге прихода.

– Лёва… Это самое… Ну, там… О тебе, в общем, спрашивали… – промычал из своего закутка вахтер.

– Кто?

– Ну, там… ожидают тебя…

– Кто?

– Важный какой-то, сказал, что срочно, это самое, нужен почтальон.

– Странно, с чего я вдруг кому-то понадобился?

– Ну уж, Лёва, тебе виднее. Я же не следователь и не прокурор, в самом деле!

Фрумкин поглядел в книгу прихода, перед ним никто не значился.

– А что, этот посетитель даже не расписался?

– Как не расписался? Расписывался, посмотри внимательней!

– Да нет же, ничего тут нет.

– А на предыдущей странице?

Фрумкин перевернул страницу, но и там ничьей подписи не обнаружил: ни знакомых, ни незнакомых. Тем более под сегодняшним числом. Голова вахтера вылезла из окошечка и тоже внимательно рассматривала книгу прихода.

– Дай-ка я посмотрю, я же видел, как он расписывался. Сам ему ручку давал, – сказал вахтер, напяливая на нос очки.

– Да нет же, дядя Ваня, нет тут ничего… А не могли вы… Гм… Забыть…

Фрумкин на всякий случай посильней втянул ноздрями воздух. Нет. Перегаром от дяди Вани не пахло. Куревом – пахло, а водкой – нет. Или что дешевая да крепкая махорка забила перегар? Да нет, вздор, перегар ничем не забить. Во всяком случае, опытный в таких делах почтальон сразу бы узнал всю горькую правду. Но спиртным не пахло. Тогда что это за чертовщина? Или у него с головой на старости лет не в порядке? Тоже не похоже, так как уличен в маразме еще ни разу не был.

– Ну, так что? – еще раз спросил дядю Ваню Фрумкин, хотя прекрасно понимал: делать нечего, запись из воздуха не появится.

– Лёв, ну не знаю я… странно. Это самое… Ведь точно помню, отмечался он. Минут за пятнадцать до твоего прихода появился. Спросил, это самое… дежурного почтальона. Я сказал ему, чтобы подождал в коридоре – пока тебя нет. Не выставлять же человека на улицу? Правда?

– Ладно, дядя Ваня, разберемся. – Фрумкин попытался закончить разговор на мажорной ноте. Зачем пожилому человеку расстраиваться лишний раз?

Он взял ключи и отправился в отдел доставки, на ходу включая свет в темных коридорах. Подойдя к нужной двери, Фрумкин остановился. Где же посетитель? Он обошел все коридоры, но его не заметил. Заблудился? Вряд ли. Где тут можно заблудиться? Мистика какая-то. Или посетителя и не было вовсе, а дяде Ване померещилось. Старый человек. Давно на пенсии. Всю ночь, наверное, телевизор смотрел, вот под утро и привиделось…

Фрумкин просунул ключ в замок, стал проворачивать, но оказалось, дверь не заперта. Как? Не может быть? Ни разу такого не было, чтобы Олег Петрович Потапов, начальник отдела, за собой не закрыл на ключ дверь, а дядя Ваня или его сменщик дядя Коля (старше дяди Вани лет на пять, ветеран, к слову, как минимум, в отличие от первого, двух войн) педантично не проверил бы все комнаты. Фрумкин осторожно приоткрыл дверь. Она, протяжно скрипнув, отворилась. Почтальон украдкой заглянул. Кажись, никого. Значит, все же забыли закрыть дверь. Уф-ф-ф!

Странно, вроде и страха не было, но от души не отлегло. Фрумкин зажег свет. Поставил в угол сумку-тележку и обернулся к большому столу посмотреть, не приготовила для него чего-либо вечерняя смена. Он не сразу заметил стоящую у окна фигуру в темном. А заметив, вздрогнул всем те-

лом и даже попытался сделать шаг назад. И сделал бы, да не один, если б не стена.

– Кто вы? – спросил опешивший Фрумкин, заметив, что выговаривает слова как-то совсем нерешительно и робко, словно и не у себя в родном отделе доставки.

– Разрешите представиться, Иванов. Иван Иванович. – Человек в темной одежде отошел от окна и небрежно расположился на стуле возле конторки, за которой обычно сидел Олег Петрович Потапов, начальник отдела.

– Как вы сюда попали?

– А есть варианты? – задал встречный вопрос таинственный незнакомец.

Фрумкин не нашелся с ответом, ему отчего-то снова захотелось отступить назад. Нельзя сказать, что человек имел отталкивающую внешность, скорее напротив. Аккуратно и строго одет во все черное – от ботинок, начищенных до неестественного блеска, до рубашки с галстуком. Впрочем, так сейчас одеваются многие. Черные волосы зачесаны на аккуратный пробор. Ни усов, ни бороды не наблюдалось. Взгляд прямой, ясный, глубокие черные зрачки. Уголки губ чуть подернуты ухмылкой. Нос острый, почти длинный. Вообще, в облике незнакомца не было ровным счетом ничего такого, что заставляло бы собеседника чувствовать дискомфорт, но, тем не менее, что-то внушало тайное беспокойство. Скрытая агрессивность? Вроде нет, человек сидел спокойно и вооружен ничем не был, в последнем Фрумкин был поче-

му-то уверен. Ну не мог же мужчина ни с того ни с сего вынуть нож, пусть даже перочинный, или, того хуже, пистолет.

Подозрительная фамилия, имя и отчество без предъявления соответствующего документа казались на первый взгляд странным сочетанием. Да мало ли в стране не оригинальных Иванов Ивановых, решивших и отпрыска своего окрестить Иваном. А уж, учитывая то, что Иваном звали и отца, и деда, вообще вырисовывается традиция. Кстати, насчет паспорта. Фрумкин почему-то был уверен, что у странного человека паспорт на имя Иванова Ивана Ивановича. И никакого ножика или пистолета.

– Вас, стало быть, зовут Лев? – Пока Фрумкин молча созерцал незнакомца, тот без труда перехватил инициативу в разговоре.

– Да, – машинально отозвался почтальон.

– Очень хорошо. Вот что, Лев, у меня для вас будет одно небольшое задание. Справитесь? Вам можно доверять?

– Какое задание? – Фрумкин удивлялся сам себе. Вот так, незнакомый человек поручает ему что-то, а он, не расспросив его толком, кто и откуда он, уже спрашивает о каком-то задании.

– Очень простое. Вот вам конверт, отнесите его на другой конец города.

– А… А как же?

– Фрумкин. Задание срочное. Надо выполнять.

– А как же почта? – задал наконец Лев волновавший его

вопрос.

– А я вам что предлагаю отнести? Или, по-вашему, письмо – не почта? В общем, Фрумкин, держите конверт, – с этими словами Иванов встал и подошел к почтальону, – отнесите его быстрее и можете быть свободны. Идите куда хотите и делайте, что знаете. Он вручил ему письмо, простой белый конверт без марки.

– А-а…

– Это срочно, – Собеседник Фрумкина сощурил одно веко, приоткрыв другое, и почтальон непроизвольно вжался в стену, ноги предательски затряслись. – Он понял: Иванова лучше не раздражать.

– Понятно, – торопливо ответил он.

– Вот и ладненько. Отнесете – и ступайте на все четыре стороны. Ну, чего вам стоит. – Последние слова загадочный посетитель произнес столь примирительным и даже несколько слащавым тоном, что испуг как рукой сняло. – Чем быстрей – тем лучше. Ну, что же вы стоите?

– И правда… А можно я тележку здесь оставлю?

– Не можно, а нужно. Есть еще вопросы?

– Нет.

– Ну, тогда я вас не задерживаю.

Фрумкин по стенке, как-то вполоборота протиснулся мимо Иванова и вышел за дверь. Уф-ф-ф!

В проходной дядя Ваня уже в спину удаляющемуся Фрумкину успел крикнуть:

– Ну как?

Ответа он, конечно, не дождался.

* * *

За день до того, как Виктор Подольский встретил Льва Фрумкина, точнее, вечером предыдущего дня, архивариус городского краеведческого музея Алексей Старогородько нашел в архиве прелюбопытнейший документ. Рабочий день давно закончился, сгустились сумерки, и за окном исчез солнечный свет. Улица, куда выходили окна музея, погрузилась во тьму. Но архивариус продолжал свою работу, слишком интересным оказалось то, что Алексею удалось обнаружить среди прочего рукописного «хлама», который он разбирал уже почти месяц.

Дело в том, что недавно в рукописный отдел музея поступили документы одного из давно закрытых монастырей. Перед тем как он был разграблен и сожжен, монахи успели укрыть часть своего архива в доме местного купца. Во время плановой перестройки города здание подверглось сносу, и все, что нашли там более или менее ценного, свезли в музей: а куда еще, не выбрасывать же памятники старины? Вот и сидел архивариус Алексей, изучая или, лучше сказать, раскладывая по папкам более или менее однородные письмена.

Однако сегодня он наткнулся на документ, сразу заинтересовавший его: изложенный не как прочие, витиеватым и

малопонятным языком, а более или менее «читаемым», вероятно, написанный немногим более века назад. В нем было предостаточно старинных, давно отмененных букв, вроде «источкой» и «ятей», написанных каллиграфическим размашистым почерком.

Это были рассуждения некоего старца об истории города от основания до той эпохи, в которой творил автор рукописи, о знаменитых и выдающихся уроженцах, о преданиях и легендах. Среди прочего старец решил доверить бумаге несколько городских предсказаний, примет, знаков и событий, сильно напоминающих пророчества, о том, что может произойти, а может и не случиться.

Перед тем как погасить лампочку, Алексей прочитал жутковатую легенду, как однажды, в какой-то век, в какой-то день откроются «врата» и придет в город то, чего меньше всего ждут. Настанут для города «тяжелые времена». Далее, как и все прочие басни в подобном духе, описывалось, что тьма накроет город, он впадет в ослепление и безумие, люди поддадутся искушениям, наступит ад на земле и все смоет потоп. Но это не конец света, а «беспощадная кровавая жатва», хотя и обратимая. Люди на время сойдут с ума, «праведники станут грешниками, а грешники…». (Алексей уже готов был прочитать «станут праведниками», но, к удивлению своему, обнаружил совсем другое. Первоначально написанное слово было перечеркнуто так жирно, что разобрать ничего было нельзя.) Он сумел лишь прочитать то, что ста-

рец вывел начисто: «…мера их падения не будет знать глубины». Легенда заканчивалась тем, что будет некий глашатай или Предвестник, который «принесет весть», с чего и начнутся все испытания, ниспосланные городу… О характере этой вести деликатно умалчивалось: Алексей понимал, что во всех предсказаниях существует значительная доля погрешности, и чем больше автор использовал афористичный запутанный язык и неясные намеки, тем вероятнее становились его «предсказания».

Алексей Старогородько мало понял в прочитанной легенде и принялся листать документ дальше. Когда он добрался до конца, была почти полночь. Архивариус спешно собрался, успев немного погоревать над не съеденными вовремя бутербродами, заботливо приготовленными дома с утра, и вышел на лестницу. Темень была страшенная, ни одна лампочка не горела, и без того тонкий месяц плотно заволокли густые тучи, и пробираться пришлось почти на ощупь. Держась за стену, Алексей ногой нащупал первую ступеньку и стал довольно уверенно спускаться по лестнице, так как количество ступенек за долгое время служения музейному делу он знал наизусть. Переступив с последней ступеньки на лестничный пролет, он наступил на что-то мягкое, раздался истошный кошачий визг. Тут же ногу в районе лодыжки, аккурат, где заканчивался ботинок, пронзила жуткая боль. Алексей рефлекторно дернул ногой, и кошка – а кто бы это мог быть еще? – отлетела и шмякнулась о стену. Раздалось

злобное шипение и затем легкий шорох лап удаляющегося восвояси животного.

«Футы-нуты, – пробормотал архивариус, – до крови, наверное, ногу укусила, злобная тварь».

Алексей, сжимая в одной руке портфель, другой придерживаясь стены, быстро-быстро спустился на первый этаж, вышел на улицу и плотно закрыл за собой дверь, чтобы щелкнул автоматический замок. Злость, испуг и досада не покидали его. «Надо ж так! И света нет, и живность всякая шляется. Куда смотрят дворники! А нога-то как болит! У-у-у, тварь!» Положив ключи в карман, архивариус зашагал к дому. Не прошел он и десяти шагов, как рассмотрел сидящего на тротуаре кота. Тот тоже на него уставился яркими зелеными глазами. «Ах ты, дрянь такая!» Алексей с размаху дал коту пинка. Кот, хотя и подобрался, как пружина, отскочить не успел и получил от архивариуса сполна. Звонко мяукнув, он улетел в кусты. Оттуда животина зашипела, но в драку не полезла, прекрасно понимая, на чьей стороне сила. Подумав, кот решил убраться подобру-поздорову и, прихрамывая, поплелся к свалке за гаражами. Архивариус без происшествий добрался до дома, залил рану зеленкой, вскипятил воду, попил чайку, потом улегся на пружинную кровать и отошел ко сну.

* * *

К тому времени, когда Виктор Подольский выбежал из кафе и окликнул Льва Фрумкина, с последнего уже сошло семь потов. Только через пять минут после встречи с Иваном Ивановичем Ивановым почтальон догадался внимательно осмотреть письмо, после чего изумился несказанно, если не сказать – отчаялся. Конверт был чист. Ни отметок об отправителе, ни, что самое важное, об адресате. Возникал резонный вопрос куда его нести? Фрумкин было повернул назад, уточнить адрес, но что-то его удерживало от этого шага. Виной всему был то ли необъяснимый страх перед незнакомцем, то ли еще что-то, чего Фрумкин уяснить никак не мог. «Ладно, – решил почтальон, – Иванов мне четко сказал „отнеси его на другой конец города“. Я отнесу и, если не найду адресата, вернусь обратно и передам ему письмо».

Решив так поступить, Фрумкин тут же смекнул, что не обязательно тащиться на другой конец города, а потом говорить, что никого не нашел. Можно посидеть в сквере на лавочке, съесть мороженое… хотя какое сейчас мороженое – холодрыга, май, ветер. В общем, никуда не идти и вернуться обратно. Хотя внутренний голос подсказал, что Иванов может за ним проследить. То-то и оно! Фрумкин припустил с еще большей скоростью, почти не здороваясь и не обращая внимания на редких прохожих, вышедших на работу и при-

ветствовавших его.

Подняв воротник старого служебного пальто, надвинув кепку почти на глаза, Фрумкин быстро зашагал по тротуару. Ровно до тех пор, пока, выбежав из кафе, его не окликнул Подольский. «Что ему-то еще понадобилось?» – успел подумать Фрумкин, прежде чем Виктор подскочил к нему и сунул почти под нос руку для приветствия. Почтальон быстрым движением пожал ее и собирался продолжить путь, но Виктор пошел рядом, будто так и надо, и даже вступил в разговор:

– Куда спешишь, Лёва?

– Срочное поручение.

– Срочно-е, – протянул Подольский, – от кого, если не секрет?

– Секрет.

– Вот как? Тогда ты просто обязан мне рассказать, от кого, ты ведь знаешь, я секреты обожаю.

– Поэтому и не скажу. И, вообще, извини, я тороплюсь.

– Что это за дело такое спешное, которое мешает пять минут поболтать со старым знакомым?

– Ну, Виктор, я же сказал, мне надо доставить письмо на другой конец города.

– И ты так спешишь из-за письма?

– Да, спешу, потому что письмо-то необычное.

– А что в нем такого?

– Оно без адреса.

– Не может быть? – ахнул Подольский, сразу заинтересовавшись новостью.

– Я тоже раньше думал, что не может, но вот, видать, стали письма без адреса посылать.

– Не верю, покажи!

Фрумкин понял, что сболтнул лишнего, и, чтобы поскорей отвязаться от Виктора, который и мертвого мог заговорить, нехотя извлек письмо из внутреннего кармана служебного пиджака.

Почтальону в последний момент пришла мысль, а не послать ли Подольского куда подальше с его расспросами, но передумал. Зачем ссориться по пустякам с человеком? Лев знавал за Виктором особенность беспричинно совать нос в чужие дела. Но ведь у каждого свои недостатки…

Письмо словно сопротивлялось, странным образом противилось тому, чтобы показаться на свет божий. Ой, как ему не хотелось быть извлеченным из кармана пиджака! Оно словно прилипло к руке почтальона, когда тот дотронулся до него. Фрумкин вспомнил взгляд, которым на него посмотрел Иванов, когда передавал конверт, и опустил веки. В это мгновение в его голове, как наяву, всплыл образ Ивана Ивановича, который зыркнул почтальону прямо в глаза, а точнее – прямо в душу. Глядел пристально своими черными, даже не черными, а черно-бездонными глазами, словно в них открывался иной мир, подземный ли, бескрайний или небесный. Зовущий, манящий, но холодный и звонкий. Фрумкин

очнулся и заметил, что холодный пот предательски проступил на спине и на лбу крупными каплями. Он смахнул влагу с лица и извлек, наконец злосчастный конверт. Подольский так и припал к нему, разглядывая, хотя что, казалось бы, разглядывать? Но нет, Виктор внимательнейшим образом осмотрел письмо с обеих сторон, хотя и там, и там было пусто.

– А может, на нем невидимыми чернилами адрес выведен?

– Да брось ты чепуху молоть!

– Слушай! Придумал! Смотри, если на конверте что-то писали, то ручкой или какой-нибудь другой письменной принадлежностью неизбежно нажимали, и на конверте должны остаться вмятины.

Фрумкин, если честно, не очень понял про вмятины, но идеей Подольского заинтересовался.

– А как мы проверим это?

– Очень просто, надо положить кальку на конверт и попробовать карандашиком аккуратненько заштриховать.

– Хорошо, а как мы это сделаем?

– Очень просто, ты же помнишь, я тут недалеко живу, в пятиэтажке через два дома. У меня есть все необходимое.

Фрумкину ничего не оставалось, как согласиться, и они вдвоем быстрым шагом направились к Подольскому на квартиру. Привычным движением распахнув дверь, Подольский бросился, словно заправский сыщик, собирать необходимые

вещи для проведения эксперимента, велев Фрумкину отправляться с конвертом на кухню. Усевшись за стол, заговорщики принялись за дело. Подольский взял инициативу в свои руки и ни за что не хотел доверить столь важное предприятие Фрумкину, которому оставалось лишь наблюдать за его ловкими движениями – будто тот уже не раз проделывал такое. Однако, как Виктор ни старался, ничего не выходило. Он тщательно штриховал кальку, подкладывая под нее то одну, то другую сторону конверта, смотрел на просвет, проводил подушечками пальцев, но все без толку. Импровизированный сыщик даже вспотел.

– Ладно, пойду, – сказал Фрумкин. – Спасибо, конечно, за помощь, но мне пора.

– Как пора? Куда пора?

– Так…

– Куда ты пойдешь? Мы же не знаем адресата?

Это «мы» крайне не понравилось почтальону и неприятно резануло слух. Будто они с Подольским уже одна команда или оба в чем-то замешаны.

– Ладно, мне пора, – уже тверже сказал Фрумкин и порывистым движением, словно выхватывая заведомо выигрышный лотерейный билет, взял со стола конверт без адреса, с которым только что безуспешно возился Подольский.

Подольский тоже вскочил и вместе с ним вышел в подъезд. Быстро-быстро закрыл за собой дверь, так что Фрумкин даже не успел пройти хотя бы один лестничный пролет.

– Постой! Куда же ты! – окликнул почтальона Подольский и, перепрыгивая через три ступеньки, сбежал вниз, настигнув Фрумкина у самой подъездной двери.

Фрумкин, оказавшись на улице, глубоко вобрал в грудь воздух и с шумом выдохнул. Как все же хорошо было оказаться на улице, покинув удушливый мрак, царивший в квартире Подольского!

Между тем Подольский и не думал отставать:

– Ну, и что теперь?

– А ничего. Тебе на работу?

– Да. Но мне еще рано, могу помочь тебе.

– Да нет, спасибо, дальше я как-нибудь сам…

– Ну уж нет, я не оставлю тебя в беде. Давай придумаем что-нибудь другое.

– Что, например?

– Ну… – протянул Подольский, – хотя бы вскроем письмо и посмотрим, кому оно обращено, – уже легче будет.

– Виктор, должен тебе сказать, что писем чужих людей я не только не читал, но и не вскрывал.

– Лёва, подумай сам, как ты сможешь выполнить задание, не зная, куда идти, в каком направлении. Вдруг адрес просто забыли написать? А оно срочное, ты сам говорил. В общем, давай соглашайся. А то мы напрасно теряем время. Предлагаю вернуться ко мне и подержать конверт над паром, клей сам и отойдет. И ничего не будет видно, уверяю тебя. Потом мы снова запечатаем письмо, и ты его благополучно доста-

вишь куда следует.

– Так будет же видно, что его вскрывали…

– Да не будет, мы его снова заклеим. Немного помнем, будто конверт на почте завалялся по всяким мешкам и ящикам, и всё в порядке.

– Точно?

– Абсолютно.

– Да нет, спасибо, чего-то не хочется.

– Фрумкин, решайся. У меня терпение не вечное. Я тебе реальную помощь предлагаю, а ты нос воротишь, – начал обижаться Виктор.

Фрумкин задумался. Отвергая помощь приятеля, он обижает человека и сам остается в непонятной ситуации. А если, действительно, по обращению в письме он сможет узнать, кому оно предназначается? Ведь Фрумкин долгие годы работал на почте и почти всех, где кто проживает, знавал на своей территории… не в лицо, конечно, а по именам и фамилиям.

– Ладно, пошли, – решился он.

Снова поднялись на второй этаж к Подольскому и, не раздеваясь, сразу протопали на кухню. Виктор тут же поставил чайник. Фрумкин достал конверт и передал его Подольскому. Тот покрутил его в руках, еще раз посмотрел на свет.

– Нет, так ничего не видно. Будем вскрывать, – произнес он тоном хирурга.

Чайник начал неуверенно подкипать, потом загудел на

полную катушку. Подольский снял крышку и поднял конверт над паром. Сначала довольно долго ничего не происходило, и почтальон уже начал волноваться, что конверт попортится и так ничего и не выйдет. Но его опасения опровергла практика: тонкая клеевая полоска, закреплявшая конверт, стала поддаваться, и письмо, словно по мановению волшебной палочки, раскрылось.

– Ну, смотри! – торжественным голосом произнес Подольский, вкладывая письмо в руки Фрумкина. Тот как-то очумело посмотрел сначала на Виктора, потом на конверт, потом снова на Виктора и неохотно принял конверт дрожащими руками. Подошел к окну и стал неуверенными движениями вынимать его содержимое.

Письмо представляло собой совершенно обычный лист бумаги размером А4. Белый-белый. Просто поразительной белизны, какой Фрумкину никогда доселе не доводилось видеть. Текста было немного. Фрумкин опустил глаза, всматриваясь в то, что там написано. Сообщение занимало всего лишь строчку и состояло из трех коротких слов. «Я В ПУТИ». Фрумкин, ничего не понимая, передал лист Подольскому. Тот прочитал вслух по слогам: «Я-В-ПУ-ТИ» – и также недоуменно уставился на Фрумкина. Оба молчали. Молчало все вокруг. Тишина вдруг тисками сдавила уши, а потом взорвалась громким звуком распахнутого балконного окна дома напротив. Резко померк дневной свет, небосвод заволокло свинцовыми тучами, но дождь не пролился. Набухшие

тучи крепко держали влагу.

– Что? Что все это значит? Чертовщина какая-то! В каком пути? Кто в пути? – Последние слова Подольского перешли практически в свист. Он задыхался. Как и Фрумкин. То ли страх, то ли физический спазм сдавил горло. В глазах у обоих резко потемнело, сердце застучало, точно отбойный молоток…

– Мне пора, – только и смог пролепетать Фрумкин и, шатаясь, направился в прихожую, где, не замечая и не разбирая раскиданных ботинок, вешалки, зацепившейся за пальто, раскрытой дверцы шкафа, с трудом распахнул входную дверь, дрожащей рукой найдя замок, вывалился наконец из комнаты на лестничную клетку. Но и здесь ему не было покоя, а потянуло на улицу, – скорей, скорей отсюда. Не помня себя, он сбежал вниз по лестнице и вылетел во двор. Здесь гулял ветер, нагибая и тормоша кроны деревьев, срывая белье с веревок, перетянутых между домами, унося простыни, платки и детские ползунки да маечки неведомо куда. Не останавливаясь, Фрумкин помчался что было духу к Главпочтамту. Скорей! Туда!

На полпути он заметил, что за ним бежит Подольский, и прибавил скорость. Но Подольский был моложе, да и, пожалуй, сильнее Фрумкина, так что, как почтальон ни старался, тот его вскоре догнал.

– Ты чего?

– А ты чего?

– Смотрю – бежишь, и я за тобой. А ты чего?

Фрумкин даже не успел подумать, куда он так припустил и зачем. Магические слова из письма будоражили его сознание и не давали успокоиться. Бежать. Вперед. Скорей-скорей. Не отвлекаться ни на что, даже на Подольского.

Ага, вон и здоровенное темное здание почтамта, которое видно на километры вокруг. Туда, быстрей туда! Спрятаться! Покаяться! Явиться! Броситься в ноги!

На проходной дядя Ваня даже не успел рта раскрыть, как мимо него проскочил сначала почтальон, а потом какой-то незнакомец и оба исчезли в глубине здания.

Фрумкин бежал вперед без оглядки. Коридор. Знакомый, темный, пыльный, родной. Вот поворот налево, вот – направо. Сзади шаги, вероятно, Подольского. Чего он увязался? Обогнать, обогнать его. Не пустить. Я первый. Я-я-я-я-а-а-а-а!!!

Еще поворот, еще. Теперь должна быть дверь, за которой его ждут. Нет. Стоп. Ее нет, а вместо двери снова коридор. Но он не мог ошибиться. Не мог! Это просто невозможно! Исключено! Он тысячи раз проходил по этому коридору. Фрумкин понял, что сейчас некогда рассуждать, и понесся дальше. Рядом, чуть позади буквально на полшага, бежал Подольский, пытаясь обогнать его на поворотах. И вот заветная дверь впереди. Долгожданная. Обожаемая. Фрумкин почему-то знал, что она уже открыта и ключ не потребуется. Он, не останавливаясь, вломился в дверь, а за ним про-

шмыгнул Подольский.

Помещение отдела доставки. Стол, заваленный письмами. Конторка, стул. На стуле сидит Иван Иванович Иванов, который с прибытием Фрумкина тут же поднялся и остановил секундомер на круглых старинных карманных часах на цепочке с откидной крышечкой.

– Поздравляю. Пять минут двадцать восемь секунд – Фрумкин, и пять минут двадцать девять секунд – Подольский. Поздравляю еще раз, Лев, вы выиграли.

– Что? – опешил Фрумкин, не ожидавший такой встречи и пришедший вдруг в полное смятение от того, что было сделано, увидено, и, конечно, от пробежки.

– Вы выиграли. – На устах Ивана Ивановича заиграла странная улыбка.

– Что выиграл? – спросил Фрумкин, растерянно взирая округлившимися глазами перед собой на человека во всем черном.

– Потом узнаете.

* * *

Локомотив издал протяжный гудок, и потянулась платформа. Начиналась обычная суета встречающих-прибывающих-отъезжающих. Бабульки держали наготове печеную картошку, раков, пиво, вареные яйца, минералку и прочую снедь для угощения пассажиров, следующих проездом через

город в какие-то дальние города и веси и зачастую желающих перекусить. Поезд дрогнул и остановился. Проводник первого вагона отворил дверь, выпуская прибывших пассажиров. Те желали ему «доброго пути», он кивал и улыбался. Нашлось двое покидающих город, проводник проверил у них билеты и напомнил номера мест. Женщине помог донести багаж до купе. Потом вышел на платформу покурить. К нему подошел проводник второго вагона. Со стороны вокзала показались двое обходчиков подвижного состава.

– А, Петрович! – окликнул проводника первого вагона один из них. – Как жив-здоров?

– Привет-привет, Станислав Сидорович, – откликнулся проводник, – помаленьку. А вы тут как? Ходят слухи, у вас тут какие-то нелады…

– Какие это такие нелады?

– Ну, вроде как обстановка какая-то неспокойная.

– А откуда слыхать?

– Из прессы, – многозначительно произнес проводник.

– А-а. Ну, если из прессы.

– Что пишут-то? – спросил второй, молодой обходчик, видимо, стажер, приставленный к Станиславу Сидоровичу набираться опыта.

– Всякое. – Петрович пыхнул сигаретой и на молчаливую просьбу обходчиков предложил им тоже закурить.

Станислав Сидорович посмотрел на марку сигареты, пробормотал что-то вроде: «совсем слабенькие», но не побрез-

говал и затянулся.

Постояли. Второй проводник глянул на часы.

– Скоро отправляемся, пошли, Петрович.

– Пошли, – с готовностью согласился проводник первого вагона, – ну, бывайте, мужики.

– И вам не хворать, – ответил старый обходчик.

* * *

– Рассказывайте, – велел Иванов Иван Иванович Фрумкину, – итак, начнем по порядку, с чем пожаловали?

Стремление быстрей оказаться в комнате отдела доставки куда-то сразу улетучилось, и появилось нехорошее ощущение допроса… Фрумкин уже начал жалеть не только о том, что он поддался на уговоры Подольского вскрыть письмо, но и о том, что прибежал сюда. Зачем? Да еще умудрился притащить с собой Виктора, да и еще обогнал его на секунду. Фрумкин переминался с ноги на ногу, не решаясь выбрать, с чего же все-таки начать.

– Смелей, смелей, Лев! – подбадривал его Иванов. – Итак, вы вскрыли письмо…

– Откуда вы это знаете?! – выпалил удивленный Фрумкин.

– В противном случае вас бы здесь не было. Да и, по совести сказать, вы его бы сейчас не держали вскрытым в руках. – Приторная улыбка не покидала Иванова, становясь все саркастичней. Он стал напоминать кота, играющего с полу-

мертвой мышкой.

Фрумкин только сейчас обнаружил, что держит в руке открытый конверт.

– Мы… Ну… Ну…

– Может быть, вы попробуете объяснить, гражданин Подольский? – осведомился Иванов, приблизившись к парочке.

Подольский, бледный как полотно, тоже не мог вымолвить ни слова.

– Чего же вы, господа, молчите?

– Товарищи… – рефлекторно сорвалось с губ Фрумкина.

– Тем более. Что же вы, товарищ Фрумкин, молчите? Сделали дело, будьте так любезны, объяснитесь теперь. Зачем, почему, по какому праву?

– Мы… мы… – снова начал мямлить почтальон.

– Смелей, смелей! – подстегивал Иванов, – выкладывайте. Теперь уж поздно что-либо менять.

– Мы встретились, и Виктор предложил мне помощь. Вы ведь не сказали, куда мне отнести письмо.

– Ошибаетесь. Я вам четко велел отнести его на другой конец города.

– Да, но вы не назвали адрес. И… чтобы… узнать, мы вскрыли письмо… А там…

– И что там?

– А там только слова: «Я В ПУТИ».

– Так… понятно, – тихо сказал Иванов, – продолжайте.

– И вот я пришел сюда.

– Все понятно. Все понятно, – нахмурился Иванов, точно доктор, неожиданно нашедший у больного признаки тяжелой болезни. Однако Фрумкина не покидало ощущение, что все эмоции у Ивана Ивановича – деланные, что на самом деле то, как он думает, как говорит и как ведет себя, – вещи разные и никак друг от друга не зависящие. Чему он улыбался? Разве так стал бы вести себя человек, узнавший, что его письмо вскрыли? Нет, конечно, нет. Все ненастоящее, все поддельное. Везде ложь, чья-то придурь, обман, пошлая фантазия. Фрумкин совсем ничего не хотел, – ни относить письмо, ни встречаться сегодня с Подольским. Не хотел вскрывать конверт, не хотел бежать, не хотел сейчас чувствовать себя униженным перед этим фальшивым человеком. Но и уйти тоже не мог. Где-то на уровне подсознания он понял, что ему никуда не деться. Только сейчас, так поздно, понял, что обречен! Сердце сжали тиски холода, дрожь опять пробила все тело.

– Мне все с вами ясно. С вами обоими, граждане товарищи Фрумкин и Подольский, – заключил Иванов тоном классного руководителя, выслушавшего отчет нашкодивших учеников.

– А-а-а. А откуда вы знаете мою фамилию? – наконец подал голос Виктор.

– Так уж приходится… все про всех знать…

– Вы что, работаете в органах?… – несмело предположил

Подольский.

– Гм… Об этом никогда не задумывался. – Иванов поднял вверх тонкую черную бровь. – Хотя в каком-то смысле вы правы. В органах. Правда, смотря в каких. Но это уже детали. Не правда ли, господа? Ах, простите, оговорился. Товарищи… Ну, так что же мне с вами делать прикажете?

– Ну, я могу пойти, – снова подал голос Подольский, – мне на работу надо.

– Значит, как письма чужие вскрывать, вам на работу не надо?! – рявкнул на него делано рассерженный Иванов, приведя Виктора в совсем безысходное и отчаянное состояние.

– Мы хотели как лучше… – пролепетал в свою защиту Подольский.

– Ага, и сделали это из чистого альтруизма, а не в целях удовлетворения своего любопытства, – закончил за него Иванов. – И вообще, вы никогда ничего предосудительного не делали, чисты как ангелы. Оба. Так я должен вас понимать?

– Да, – кротко согласился Подольский, почему-то совсем не поняв иронии. Это показалось очень странным Фрумкину и раздосадовало его значительно.

– Как же, верь вам! – сказал Иванов. – Впрочем, общая картина мне вполне ясна. Вопросов больше не имею… Так, – Иванов посмотрел на часы, – мне надо ненадолго отлучиться. Ведите себя тихо и спокойно. Ко мне еще могут прийти гости. Вы знаете, как принимать гостей? Уверен, знаете.

Предложите сесть. Налейте чайку… А чайник у вас есть? Ах да, вот и чайник. В общем, действуйте по обстановке.

* * *

Иван Иванович вышел через проходную, по дороге подмигнув вахтеру дяде Васе и небрежно бросив через плечо:

– Если ко мне будут гости, направляйте в отдел доставки.

Дядя Ваня, высунувшийся из окошечка насколько позволяла рама, только проводил долгим взглядом непрошеного, но властного гостя и прошептал: «Слушаюсь…» Когда дверь за Ивановым уже захлопнулась и вахтер вновь небрежно развалился в своем просиженном кресле, в его ушах прогремело: «Не подведи меня, дядя Ваня!» Вахтер подскочил чуть не до потолка, потом осенил себя крестным знамением и подумал, мол, мало ли что привидится? Но все же огляделся по сторонам. Вдруг – чего?

Иван Иванович тем временем направлялся прямиком в городской парк, где на эстраде в это время репетировал духовой оркестр. Трубачи, тромбонисты и валторнисты, раздувая, как лягушки, щеки, издавали громкие резкие звуки, слышались высвистывания флейты и кларнета, толстый человек в косоворотке задавал тарелками ритм, еще один бил в большой барабан. Дирижер (он же конферансье, распорядитель, бухгалтер и прочая, прочая, прочая) яростно рассекал еще не до конца прогревшийся утренний майский воздух ру-

ками. Когда закончилась партия, Иванов, одиноко сидящий на одной из многочисленных скамеек для зрителей, громко зааплодировал, чем вызвал улыбки благодарности у всех музыкантов без исключения. Некоторые из них даже раскланялись единственному благодарному слушателю.

Иванов призывно помахал рукой дирижеру, который тут же послушался и сбежал со сцены. Иванов поднялся с лавочки и пошел к нему навстречу.

– Здравствуйте. – Иванов протянул дирижеру руку.

– Очень приятно, – дирижер принял обеими ладонями руку Иванова и быстро ее потряс, – вам нравится хорошая музыка?

– О, я в некотором смысле меломан.

– Очень, очень приятно встретить знающего человека, а то, понимаете, в наше время редко встретишь… истинных ценителей, – улыбнулся дирижер.

– У меня к вам предложение, – Иванов сразу перешел к делу, – возможно, скоро мне могут понадобиться услуги вашего оркестра.

– Правда? – чуть было не выдал своего удивления дирижер, но вовремя спохватился, взял себя в руки и продолжил уже совсем другим тоном: – К сожалению, в ближайшее время у нас очень плотный график репетиций… и выступлений. Особенно по вечерам… – Конечно, в этом месте пришлось соврать, так как единственное выступление, да и то на похоронах, было запланировано только на послезавтра, на утро.

– Неужели, – огорчился Иванов, – а сколько стоит ваше выступление?

– Ну, на ближайшее время почти все билеты распроданы… Они очень дорогие… В общем… – Далее дирижер, он же конферансье, он же бухгалтер, прошептал на ухо Иванову сумму, превышающую ровно в два раза ту, которую оркестр мог бы получить в лучшем случае, если бы и вправду выступал каждый день (честно говоря, оркестру везло, если он давал большое представление раз в месяц, а то и в два).

Иванов поднял правую бровь вверх и кивком дал понять, что согласен.

– Мы берем, знаете ли, аванс… – продолжил конферансье, – в размере…

– Не надо никаких авансов, вот вам деньги. – Иванов тут же извлек из кармана пиджака деньги и отсчитал всю сумму, озвученную дирижером, до копейки. Даже накинул чуть-чуть сверху, задержав последнюю купюру в руке. – Только чтобы были все в сборе, не подведите меня.

– Как можно-с. Не подведем, – заверил дирижер.

Иванов энергичным движением снова пожал руку дирижеру, кивнул застывшему на сцене оркестру, быстро развернулся и пошел прочь.

– А где будет выступление? – опомнившись, прокричал ему вслед дирижер.

– Завтра все и узнаете, – долетел ответ, так что его расслышали все члены оркестра.

* * *

Иванов шел обратно к почтамту, выбрав на этот раз другой, более длинный путь. Возле коммерческого ларька он остановился, чтобы послушать болтовню двух девушек.

– Лиза, представляешь, я вчера отхватила такое клевое платье… Приталенное, с бретельками…

– В самом деле? А мне Вовка подарил духи… французские.

– «Лакост»?

– Не-е-а, лучше. «Ша-нель», – по слогам, с расстановкой произнесла девица.

– Повезло. Хотя мой тоже в прошлом месяце духи дарил.

– А я всю зиму своего просила новую дубленку… Ты представляешь, что он мне сказал… Ты, мол, еще старую не износила.

– А я своего никак на туфли новые развести не могу, и так и сяк его уговаривала… и в обморок падала…

– Вот тебе и любовь.

– Не говори.

Девушки стояли возле ларька, курили сигареты, выдувая дым в сторону, точно два паровоза перед тем, как тронуться со станции.

– Ой!

– Это нам?!

Иванов стоял перед ними, протягивая каждой по букету цветов.

– Спасибо…

– Позвольте представиться – Иван Иванович. – Сейчас Иванов был сама галантность.

– А меня зовут Лиза.

– А меня – Настя.

– Очень, очень приятно. – Иванов и той и другой широко улыбнулся, задержав свое лицо на каждой из них. – Разрешите вас пригласить на вечер?

– Нас?! – Одна изумилась, а другая, пихая подругу в бок, тут же сказала:

– Мы согласны!

– Сегодня вечером ожидается отличная вечеринка, обязательно приходите. – И Иванов упорхнул, точно бабочка, а девушки еще долго провожали его взглядом.

– Ой, а где? – спохватилась Лиза, а может быть, Настя. – Молодой человек!

Иванов обернулся и крикнул:

– Только обязательно приходите-е-е!!!

Он шел по бульвару, потом по оживленной улице, потом вдоль шоссе. Вокруг сновали люди, одни шли на работу, другие на учебу, третьи спешили по каким-то своим делам. Немало граждан столпилось перед небольшой будкой со странной надписью, расцвеченной пестрыми красными мазками, поставленной буквально на прошлой неделе.

– Что это за слово-то такое непонятное? – спрашивали граждане друг друга, но ответа дать никто не мог.

– Надо глянуть в словаре Ожегова или Даля, – предложил какой-то умник.

– Нет, – нашелся кто-то, – это ж не по-нашенски, в этих словарях его не будет.

– А для чего будку-то вообще поставили?

– Кто их знает… веяния…

– Власти опять чудят!

– Здесь вроде как щелочка, чтобы деньги просовывать! – констатировал какой-то любопытный.

– Ага, попробуй – просунь, и плакали твои денежки. Вся получка!

– Да, от них добра не жди…

– Было б что хорошее, в газете б написали, – предположил какой-то знаток, потрясая воблой, завернутой в газету «Муниципальный вестник».

Иван Иванович от души рассмеялся. Смех пронесся над толпой, и граждане, отвлекшись от изучения предмета, обратили внимание на Иванова.

– Что ж вы смеетесь, гражданин?

– Просто смешно! Ух-ух-ух, – ухохатывался Иванов практически до слез. Но народу было не до смеха, собравшиеся заподозрили, что смеются в том числе и над ними.

– Эй, ну ты, хватит ржать, – выкрикнул какой-то детина. – Можно подумать, ты знаешь, что здесь написано?!

– Знать – не знаю, но некоторое представление имею. – С этими словами Иванов, раздвинув толпу, пробрался к аппарату и кинул в щелочку мелочь. Будка с непонятной надписью словно ожила, заставив до этого тесное кольцо толпы отступить на пару шагов. Потом аппарат крякнул, и откуда-то сбоку появилась бутылочка с темной жидкостью. Иванов ловко подхватил ее и предложил человеку из толпы, стоявшему ближе всех к нему. Человек замотал головой и предпочел зарыться поглубже в плотные ряды сограждан.

– Ну, кто смелый? – обратился Иванов к народу.

Кольцо расступилось еще шире, кто-то даже старался ретироваться. Но подходили другие прохожие, потому круговорот любопытных был практически постоянным.

– Что, нет желающих? – удивился Иван Иванович, отвинтил пробку и хлебнул напиток из горлышка. Из бутылки в рот Иванову дружно побежали пузырьки вместе с коричневато-прозрачной жидкостью. Продемонстрировав таким образом безвредность напитка, Иван Иванович снова обратился к народу с предложением его попробовать. На этот раз вызвалось несколько смельчаков, которые, отхлебнув и поначалу скривившись, распробовав, дружно одобрили доселе неизвестную жидкость. Какой-то старичок даже поблагодарил Иванова, сказав: «Спасибо тебе на добром слове, милчеловек, а то всю неделю аппарат без толку стоял, только вчера его заметили, но ты первый, кто попробовать решился». «Да, вижу смелый у вас в городе народ!» – ответил стари-

ку Иванов. «Осмотрительный», – деликатно поправил Ивана Ивановича старичок.

Тем временем по толпе разносились одобрительные возгласы, к щелочке для денег образовалась заметная очередь, начались переругивания, грозившие быстро перерасти в рукоприкладство из-за спорных вопросов, кто кидал денежку и кому сейчас по очереди полагается ловить бутылочку. Иванов подмигнул старичку и пригласил всех собравшихся явиться на Главпочтамт, где будут «хлеб и зрелища». Толпа тут же перестала переругиваться, и посыпались вопросы: «а что именно там будет», «а когда», «а что взять с собой», «а чем кормить будут», но Иванов лишь церемонно раскланялся и удалился. Споры же вокруг забавного устройства разгорелись с новой силой.

* * *

Иванов шел по весеннему городу, прислушиваясь везде и всюду к обрывкам разговоров и что-то записывая в небольшом блокнотике, извлеченном из внутреннего кармана пиджака. Иногда он бормотал про себя: «Этих на три сорок. Этих на три сорок пять. Этих на три пятьдесят. Нет. Уже занято, значит, на три пятьдесят пять. Если дальше так пойдет, придется уплотнять график».

Проходя вдоль раскрытых окон первых этажей, он также прислушивался к обрывкам фраз:

– Где ползарплаты?! Где, я тебя спрашиваю? Что язык проглотил? Опять вчера с друзьями гуляли?

Иванов незамедлительно зафиксировал в блокноте: «Петрова Любовь Михайловна, на 17.25».

Или:

– Ну сколько можно, я с тобой и так и эдак, а ты опять за свое!

Иванов писал: «Куприянов Никита Осипович, на 17.30».

Или:

– Двойка? Двойка?! Ты хочешь извести свою мать!!! Нет, вы посмотрите на него! Я для него наизнанку выворачиваюсь, а он со мной так! Как не стыдно! Позор!!!

Иванов: «Борисова Анна Глебовна, на 17.35».

Или:

– Дорогой, давай я тебе супчика налью.

– Спасибо, не сейчас.

– Я котлетки пожарила.

– Очень хорошо. Я попозже…

– Ну, отвлекись хоть на минутку, я хочу с тобой поговорить.

– Не мешай, я скоро.

– Любимый, ну удели мне чуточку внимания!

– Дорогая, не видишь, я сейчас занят… вывожу новую формулу… супчик, котлетки потом.

– Ну, ты же видишь, мне так не хватает твоего внимания…

– Подожди, не приставай…

Иванов почесал в затылке. «Да-а. Этих-то куда девать? А, ладно, потом разберемся. На 17.40. Нет, здесь уже занято дворником с улицы Пятидесятилетия Октября, ага, есть окно в 18.15».

Или:

– Ты зачем это сделал?

– Я нечаянно…

– Да ты хоть знаешь, супостат, если пять пустых бутылок пива сдать, можно купить одну полную!

– Знаю я, знаю… Выпала просто. Разбилась.

– Нет, ничего ты не знаешь, скотина. Вот я тебя сейчас научу, как надо с бутылками обращаться! (Далее – увесистая затрещина.)

– Ой, не надо!

Иванов написал: «Кузьма Пивоваров и Егор Разволяев. 19.25». И в скобочках, чтобы не забыть: «Пьянство, сквернословие, побои…»

Пока Иванов, проходя мимо одного из окон, фиксировал в блокноте важную информацию, он вдруг неожиданно для себя почувствовал, что в одной из квартир не происходит ничего. Вот так вот. Пусто. Очень любопытно! Иванов вытянул шею на полметра, что не потребовало от него сколько-нибудь заметных усилий, и заглянул в окно. Свет падал на большой письменный стол с разбросанными на нем разными бумагами. На листах коряво, от руки, было выведено по нескольку строчек. Большинство бумаг начаты, но явно не закончены,

а сами они либо смяты и скомканы, либо с перечеркнутым текстом. За столом сидел человек в халате и домашних тапочках. Иванов мельком глянул в записи и ухватил несколько фраз, которых было вполне достаточно для того, чтобы уяснить суть того, что человек пытался отразить на бумаге: «…вышеупомянутый гражданин неоднократно был замечен в подозрительной компании… разговоры (частично) записаны на пленку».

И Иванов снова принялся строчить в своем блокнотике.

В следующем окне он расслышал любопытный диалог:

– А здорово было бы, Борисыч, согласись, если бы сделался в каком-нибудь отдельном взятом обменнике курс доллара раза в два пониже. Вот я бы развернулся!

– Ну, хоть на полчасика.

– Да мне, пожалуй, и пяти минут хватило бы.

– Мечтать не вредно…

«Так. Кривуля Алексей Евграфович и Миронов Игорь Борисович, оба на 19.40. Если так дальше пойдет, без помощников не обойтись», – удрученно подумал Иванов. Хотя вместе работать веселее. Иванов вообще больше любил массовые акции, чем индивидуальную работу.

Здесь все шло, одно к одному… Правда, надо было подумать и о другом – скоро Главпочтамт перестанет всех вмещать. «Надо раздобыть помещение побольше. Не поговорить ли с начальником городского спортивного комплекса?»

* * *

Архивариус Алексей проснулся в это утро совершенно разбитым, будто и не спал вовсе. На работу идти не хотелось, что случалось не так часто, поскольку график работы у него был до известной степени плавающим. Проснувшись по будильнику в девять часов, Алексей толком не мог ни окончательно проснуться, ни снова заснуть. Позвонить директору, сказаться больным? Взять отгул? Зачем? Какой смысл? Право, отгул лучше брать, когда здоров и весел, чтобы с толком провести день. Накинув халат, он прошлепал на кухню в тапках и сварил себе кофе. Голова сразу прояснилась, спать расхотелось, глаза широко раскрылись, зато появилось смутное ощущение тревоги или даже страха. Алексей проверил стойку с газом, зашел в туалет, в ванную, принюхался – может, пожар. Нет, ничего вроде. Тогда он нехотя оделся и вышел во двор. Сделав несколько шагов в направлении музея, остановился с острым чувством того, что ему туда не надо. Нет. Не сейчас. Не сегодня. А куда тогда идти? На почту! Как же, конечно, на почту! Куда еще можно отправиться с утра, как не на почту? Повернувшись на сто восемьдесят градусов, Алексей уверенно зашагал к Главпочтамту и уже по пути понял, а потом и вовсе уверился, что поступил совершенно правильно. Непонятно только, что именно его туда так тянуло? На проходной он почему-то, сам того не желая, спросил:

– Иван Иванович у себя?

– Вам по коридору направо, потом налево и прямо, там увидите, – ответил вахтер.

Архивариус уверенно зашагал в указанном направлении. Остановился рядом с дверью, на которой в потемках различил табличку с надписью «Отдел доставки». Тихонько постучался. В глубине комнаты раздался голос:

– Кто там?

– Алексей. Архивариус.

– Кто-кто? Входите!

Алексей вошел в кабинет и встал почти на пороге, переминаясь с ноги на ногу. В кабинете находились два человека практически ничем не примечательной наружности. Один одет более солидно, другой – в форменном пальто почтового служащего.

– Ивана Ивановича можно?

Тот, кто был одет в почтовую форму, спросил:

– А вам он по какому вопросу? Вас что, вызывали?

Архивариус не знал, что сказать, тем более, как он теперь понимал, Ивана Ивановича в комнате не было, а разговаривать с кем-либо другим ему совсем не хотелось.

– Он не говорил, когда будет?

– Нет, – ответил теперь тот, который был одет более солидно.

– Ну, тогда я здесь подожду? – робко спросил Алексей.

– Пожалуйста, – небрежно ответил почтовый служащий.

Алексей сел на стул. Сначала ничего не происходило. Потом два человека, похоже, вовсе перестали обращать внимание на то, что они не одни, и, начисто забыв про него, вели себя так, будто в помещении, кроме них, никого нет.

– Чего будем делать? – спросил тот, что посолидней.

– Не знаю… Что мы наделали… почему, зачем прибежали сюда?

– Вот и я не понимаю. Какого лешего нас сюда понесло? Может, пойдем отсюда подобру-поздорову…

– Вот так возьмем и уйдем?

– Да, а что?

– Ну, Виктор, давай попробуем.

Они подошли к двери, почтовый служащий толкнул ее плечом. Дверь не поддалась.

– Эй, ты чего, дверь запер? – обратился он к Алексею.

Архивариус отрицательно помотал головой и для пущей убедительности уточнил:

– Не запирал. Да и как я могу, у меня же ключей нет.

Тот, которого звали Виктор, тоже попробовал открыть дверь, но с тем же успехом, что и почтовый.

– Лёва, а если вместе навалиться?

Почтовый пришел на помощь Виктору, но и у них двоих ничего не получилось.

– А она как будто и не заперта вовсе.

– Чертовщина какая-то… – резюмировал Виктор. – Но линять нам отсюда надо точно. Давай через окно попробуем.

Пока Иванов не пришел. Это же первый этаж?

– Конечно, первый, – подтвердил Лев.

– Тогда годится. – И Виктор направился к окну, Лев – за ним, но почти сразу остановился.

– Кстати, а ты зачем сюда пришел? – вспомнил он опять о существовании архивариуса.

– Не знаю… На прием… – неуверенно пролепетал Алексей.

– Странно. Но вообще-то, шел бы ты лучше отсюда подобру-поздорову, – посоветовал Виктор, – хотя как знаешь, – и махнул рукой. Кто он такой, этот Алексей, чтобы давать ему советы и вообще проявлять заботу. Ведь не друг же и не сослуживец. Да, живут они в одном городе, но и что с того?

…Они подошли к окну и без труда распахнули раму. Вскарабкались на подоконник, подбадривая и помогая друг другу. Приготовились прыгать, посмотрели вниз, вычисляя, куда лучше приземлиться, или, точнее, рассчитывая траекторию прыжка, чтобы не угодить в полураскрытый канализационный люк.

Виктор Подольский стоял на самой кромке подоконника, уже занеся ногу для прыжка. Вдруг он увидел, что, вместо пробивающейся к солнцу сквозь окурки, бумажные обрывки и старый чай (который Фрумкин почему-то всегда выбрасывал в окно, приговаривая «для удобрения») майской травы, перед его глазами простирается бесконечная пропасть, а они с Лёвой возносятся все выше и выше, точно на скоростном

лифте. Под ними с ураганной быстротой высился этаж за этажом – окно, промежуток стены, снова окно, снова стена и так далее. И вот они уже взмыли на небывалую высоту, Подольский даже и не думал, что такая вообще существует. Ветер, гуляющий за окном, обдувал их со всех сторон, бил в лицо и трепал волосы. Они стояли на маленьком спасительном подоконнике точно на краю скалы, готовые рухнуть вниз, устремившись прямо в пропасть. И разбиться, конечно, насмерть, если во время полета не остановится сердце и они не шлепнутся на майскую травку уже холодными трупами. Виктора зашатало: он и меньшей высоты боялся как огня. Бухгалтер ухватился за Фрумкина, который сам был не в лучшем положении: бледный, глаза вытаращены, распростертые для равновесия руки… Взгляд, словно магнитом, был прикован к тому, что творится внизу, к пропасти под ним, которая постоянно увеличивалась и расширялась.

– Лёва…

– Виктор…

Ветер на секунду притих, но тут же обрушился на беглецов с новой силой. Подольский, с трудом удерживая равновесие и балансируя как акробат, слишком накренился вперед, но успел схватиться за Фрумкина обеими руками. Тот от неожиданности оступился, и… Пропасть внезапно приблизилась, они рухнули…

Звук резко распахнувшейся двери и звонкое:

– Стоять. Не падать!

Голос Иванова раздался точно выстрел, перекрыв в мгновение все остальные звуки – вой ветра, крик падающих в пропасть Фрумкина и Подольского. Пространство застыло, превратившись для беглецов в жесткую материю. Они замерли на месте в нелепых позах падающих вниз самоубийц. Под ними зияла пропасть, подоконник ушел из-под ног. Они парили в воздухе, но что-то им мешало сорваться и упасть. Иванов приблизился к окну и протянул к ним руку. Фрумкин и Подольский почувствовали, что, хотя их тела совершенно не слушаются головы, они вновь обретают способность стоять на подоконнике, дышать и говорить.

– Значит, бежать вздумали… – Низкий голос Иванова, сковавший точно льдом их душу и сердце, привел беглецов в сущий трепет. – Далеко ли вы собрались, товарищи?

Фрумкин не успел ответить, как дверь комнаты для приема почты отворилась…

* * *

Утро Олега Петровича Потапова – начальника отдела доставки – началось гораздо спокойней и размеренней, чем у архивариуса Алексея и, тем более, у Льва Фрумкина и Виктора Подольского. Позавтракав, собравшись и поцеловав на прощание сонную жену, он, как всегда, отправился на службу.

Быстрым шагом от дома до работы десять минут пешком,

медленным – пятнадцать. Он дошел за пятнадцать. Открыл массивную дубовую дверь и исчез в темном чреве Главпочтамта.

Олег Петрович степенно подошел к вахтеру дяде Ване, поздоровался и осведомился:

– Ключ от моего кабинета уже взяли?

– Да, взяли.

– Кто?

– Иван Иванович.

– Кто это? – искренно удивился Потапов.

– Это самое… А вы разве не к нему? – в свою очередь удивился дядя Ваня и с уважением посмотрел на начальника отдела.

– А почему я должен быть «к нему»? – продолжал недоумевать Потапов.

– Извиняюсь. Не подумал. Это самое… Ошибся.

– А кто он такой, этот Иван Иванович? Что за фрукт?

Дядя Ваня высунул голову в окошечко и зашептал:

– Это самое… Олег Петрович… понимаете… тут такое дело…

– Покороче.

– Покороче-с никак нельзя, – с перепугу вахтер перешел на давно забытую лексику, – утром заходит на почту человек… странный такой.

– Вы хотите сказать, входная дверь была не заперта?!

– Нет-нет, – тут же спохватился дядя Ваня, – конечно, за-

перта, только, это самое, он все равно прошел.

– Как это?

– Вот и я не пойму, как это… Явился. Представился Ивановым Иваном Ивановичем, сказал, что, это самое… мол, ему в отдел доставки, спросил почтальона. Я ему ответил, подождите, это самое, Фрумкин попозже придет. Он мне и говорит, дескать, ничего, если я подожду? Я ему: ничего, подождите, не выставлять же вон, это самое, человека? – Пассаж с росписью в журнале регистрации, которая куда-то бесследно исчезла, вахтер деликатно решил опустить. А потом все забегали. Сначала Фрумкин пробежал туда, потом обратно, да еще с каким-то, это самое, гражданином. Потом пришел еще один человек, спросил Иванова Ивана Ивановича. Теперь пришли вы. Вот и подумал, это самое, что и вы его ищете.

– Спасибо. Ситуация ясна, – веско сказал Потапов. – Где они сейчас?

– В отделе доставки, Олег Петрович.

– Хорошо.

Олег Петрович Потапов развернулся и строевым шагом направился по коридору, ведущему в отдел, начальником которого он состоял. Дядя Ваня посмотрел ему вслед и искренне позавидовал, что хоть кто-то понимает, что происходит во всей этой сумятице.

Потапов спокойно прошествовал по лабиринту коридоров Главпочтамта, лишь слегка замедлив поступь перед са-

мым кабинетом. Резко распахнул дверь. Переступив порог, он увидел следующую картину: Лёва Фрумкин и еще какой-то незнакомый гражданин застыли в неестественном положении на подоконнике единственного и почему-то распахнутого окна. Их поза – под углом примерно 45 градусов к поверхности – должна была неминуемо привести к падению, однако этого, вопреки всем законам физики, не происходило. Рядом стоял неизвестный гражданин во всем черном и протягивал к ним руку. Ладонь незнакомца словно что-то сжимала.

На одном из стульев рядом со стеной спокойно сидел и наблюдал за сценой человек, показавшийся Потапову смутно знакомым. Сутулый, с бледным лицом, на котором пробивалась жиденькая бороденка. Определенно, он с ним когда-то встречался. Потапов подошел к нему и протянул ему ладонь для рукопожатия. Тот молча привстал со стула и пожал протянутую руку.

– Товарищ, вы по какому вопросу? – спросил его Потапов и тут же вспомнил, где он видел этого молодого человека. Конечно, в городском музее.

– Я на прием к Ивану Ивановичу.

– А-а. Понятно, – пробасил Потапов и, обернувшись к прочей публике, продолжил: – Товарищи, потрудитесь объяснить мне, что здесь происходит?

Иванов Иван Иванович ухмыльнулся, но почтительно ответил:

– У нас тут побег приготовляется.

– А-а, – протянул Потапов. – Кто бежит?

– Фрумкин и Подольский.

– Верните их.

Человек в черном охотно исполнил просьбу. Сжав пальцы протянутой руки, он сделал резкое движение на себя… В ту же секунду Фрумкин и Подольский не только оказались в вертикальном положении, но и возвратились обратно в комнату, кубарем повалившись на пол.

– Как вам не стыдно, Фрумкин, покидать помещение через окно, тогда как в цивилизованном обществе для этого предусмотрена дверь. – Потапов принялся отчитывать своего подчиненного.

– Извиняюсь, виноват, Олег Петрович, – оправдывался почтальон.

– Почти десять утра, а почта еще не разложена! Безобразие!

– Я-я… был занят.

– В самом деле, – пришел на помощь Фрумкину Иванов, – Фрумкин не виноват, он выполнял одно мое поручение.

– Какое? И на каком основании вы тут распоряжаетесь?

– Надо было доставить одно письмецо…

– И как, он справился с заданием?

– Да как сказать, – помрачнел Иванов…

* * *

Кирилл Матвеевич Строганов явился с работы домой в обеденный перерыв на час позже обычного. На законный вопрос супруги, почему он задержался, директор мелькомбината, естественно, умолчал, что на самом деле он покинул свое рабочее место на полтора часа раньше, с тем чтобы заглянуть «на чай» к своей секретарше, и ответил, что, мол, было совещание. Супруга вполне удовлетворилась таким объяснением и сообщила мужу, что недавно ему звонил какой-то Иван Иванович и срочно просил явиться на Главпочтамт.

– Какой такой Иван Иванович?

– Не знаю. Сказал, твой знакомый.

– Знакомый? – Кирилл Матвеевич насторожился. Может, начальство из центра? Кто бы это мог быть? Или ревизор? Хотя последнее он сразу исключил: какая связь могла существовать между ревизором и Главпочтамтом?

– А что еще сказал? Может, чего-нибудь велел передать?

– Да нет вроде…

– Что значит «вроде»? – рассердился Кирилл Матвеевич. – Так передавал или нет?

– Нет, не передавал, просто просил срочно явиться на Главпочтамт.

– Так срочно или просто явиться?

– Срочно, срочно.

– Так что ж ты молчишь?!

– Как молчу? Я тебе все сказала, – удивилась жена.

«Ладно! Схожу посмотрю, что там такое на этом Главпочтамте, может, бандероль какая-нибудь важная или письмо до востребования. В конце концов, пять минут туда, пять – обратно».

– Так щи разогревать или нет? – спросила жена.

– Ставь, через пять минут. Я быстро. Одна нога туда, другая – обратно, – уверенно сказал Кирилл Матвеевич и, не меняя официального костюма, отправился на почту. По пути Строганов прокручивал в голове все возможные варианты причин срочного вызова на почту, однако ни один из них нельзя было признать удовлетворительным.

Отворив легко поддавшуюся, хотя и довольно массивную дубовую дверь, Строганов осведомился у вахтера, где он может найти Ивана Ивановича.

– Как? И вам он тоже понадобился? – обомлел вахтер.

– Как прикажете вас понимать, милейший?

– Проходите по коридору, это самое, прямо и направо, – выпалил дядя Ваня, не найдясь с ответом.

– Спасибо.

«Вот у ж, будь он неладен, этот Иван Иванович! Откуда только его черти принесли?» – подумал про себя вахтер.

* * *

Тем временем в отделе доставки один за другим стали появляться посетители «к Ивану Ивановичу». Пришли две густо накрашенные барышни, несколько мужчин разного вида, роста и статуса, пара домохозяек.

– Что мне с вами прикажете делать? – рассуждал Иван Иванович Иванов. – Столько всего творится в городе, что отдела доставки скоро не хватит. Придется занимать соседние комнаты. Алексей, сбегай к дяде Ване за ключами, – обратился Иванов к архивариусу. – И скажи ему, кстати, чтобы вызвал на подмогу своего сменщика дядю Колю. Работы будет невпроворот. Быстренько, быстренько, поторапливайся! Будешь моим ключником.

Иванов в задумчивости потер рукой подбородок, взял трубку большого черного телефона, стоящего на конторском столе с так и не разобранной почтой, и стал набирать номер. Трехзначный.

– Ты помнишь номера, начинающиеся на шестерку? – спросил украдкой Фрумкин своего товарища, подглядев, с какой цифры Иванов начал набирать номер.

– А ты много помнишь номеров, кончающихся на шестерку? – ответил вопросом на вопрос Виктор Подольский, случайно подсмотревший, какую цифру Иванов набрал последней.

– И из трех цифр. – Лёва и Виктор посмотрели друг на друга.

Тем временем Иванов уже начал разговор, и они пропустили его начало.

– Это я… да… да… Нужна подмога.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки что-то произнес.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки…

– Очень жаль. На Кавказе? Ну, ладно, сложный регион, пусть.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Ну, а мой коллега Агалиарепт?

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Свободен. Очень хорошо. Скажите, что он мне здесь нужен как можно скорее. И еще Агвареса. Обязательно. И Аниквелиса.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Нет, не много. Работы хватит на всех. Хорошо бы еще Абигора.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Тоже занят? А кого еще можете?

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Нет, этого не надо, а вот Риммон, Балемм и Мархозий – в самый раз.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Да, буду телефонировать. Или телеграфировать…

Ага… Как пойдут дела… Ага… Сама – в пути? Конечно. Встречаем. Скоро? Когда?

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Хорошо. Будем ждать. С нетерпением.

Непонятный голос на непонятном языке из трубки.

– Устроим, а как же? Ладно, до связи.

Иванов опустил трубку на рычажки. В этот момент дверь отворилась, и на пороге показался согбенный бледный архивариус Алексей с ключами, а с ним еще два человека.

– Как же, как же, помню-помню, – приветствовал вновь пришедших Иванов, бросаясь к ним с распростертыми объятиями, но приблизившись, сложил руки и, не касаясь ими новичков, аккуратно выпроводил их в коридор. – Борис Лукич, честный работник торговли, и Кирилл Матвеевич, директор мелькомбината и, по совместительству, развратник.

– ?

– Как, я что-то не то сказал? Прошу покорнейше простить. Кстати, Кирилл Матвеевич, мне понадобится ваш трудовой опыт и организаторские способности, будете тоже принимать гостей, работы много…

– А на каком основании? Как вас понимать? Кто вы вообще такой, чтобы мне указывать? – возмутился директор мелькомбината. – И вообще, мне надо прибыть домой на обед. Жена разогревает.

– Кстати, о вашей жене. Не торопитесь. Она вас стоит. И мы ее скоро увидим в числе гостей, только не надо торопить

события…

– Но как? Что значит вся эта чертовщина?

– Вот именно! Вы сами знаете ответы на многие вопросы, – Иванов панибратски похлопал Кирилла Матвеевича по плечу, – мы с вами из одного теста. Уверен, вы справитесь. И не притворяйтесь таким глупцом, будто ничего не понимаете…

– Но я действительно…

Иванов наклонился к нему и навис над самым ухом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.